

Жили старик со старухой. Было у них два сына. Старшего звали Тойво. Хороший он был, работающий, только очень уж хмурый. Никогда не засмеется, никогда не запоеет, одно знает — трубку курит, дым пускает. Рыбу на озере ловит — молчит, сосну в лесу рубит — молчит, лыжи мастерит — молчит. За это его и прозвали Тойво-неулыба.

А младшего звали Матти. Хороший он был парень. Работает — песни поет, разговаривает — весело смеется. Умел он и на гусях-кантеле играть. Как начнет струны пощипывать, как заиграет плясовую — никто на месте не устоит, у всех ноги сами собой в пляс идут. За это его все и звали Матти-весельчак.

Поехал раз Тойво в лес по дрова. Отвел сани в сторону и давай рубить. Пошел по лесу стук да треск.

А возле сосны медвежья берлога была.

Проснулся хозяин-медведь:

— Эй, кто стучит? Кто мне спать не дает?

Вылез из берлоги, глядит: парень сосну рубит, щепки из-под топора во все стороны летят. Ух, рассердился медведь:

— Ты зачем в моем лесу стучишь, спать не даешь? Зачем куришь-дымишь? Вон убирайся!

Да как встанет на дыбы, да как хватит Тойво лапой — только куртка затрещала.

Тойво от страха топор выронил, сам по снегу покатился, перекувырнулся да прямо в сани и повалился.

Испугалась лошадь, дернула и понесла сани по сугробам, по пням, по полянам да и вывезла Тойво из леса.

Приехал Тойво домой — ни дров, ни топора, куртка разорвана и сам еле жив. Ну да что поделаешь?

А дрова-то нужны — печку топить нечем.

Собрался в лес Матти-весельчак. Взял топор да кантеле, сел в сани и поехал. Едет — играет и песню поет.

Приезжает Матти-весельчак в лес и видит: стоит сосна, с одного боку надрублена, а рядом на снегу топор лежит.

«Эге, да это же мой братец Тойво рубил!»

Отвел Матти сани в сторону, поднял топор, хотел было сосну рубить, да раздумал: «Дай-ка сначала на кантеле поиграю — веселее работа пойдет!» Вот какой он был, Матти-весельчак!

Сел на пенек да и заиграл. Пошел по лесу звон. Проснулся медведь-хозяин:

— Кто это звенит? Кто уши мне щекочет?

Вылез из берлоги, видит: парень на кантеле играет, шапка на затылке, брови круглые, глаза веселые, щеки румяные — сам песню поет.

Хотел медведь на Матти броситься, да не смог: ноги сами в пляс так и просятся — удержи нет!

Заплясал медведь, заухал, заревел:

— Ух, ух, ух, ух!

Перестал Матти играть на кантеле. Перевел медведь дух и говорит:

— Эй, парень! Научи меня на кантеле играть!

— Можно, — говорит Матти-весельчак. — Отчего не научить?

Сунул кантеле медведю в лапы. А у медведя лапы толстые, бьет он по струнам — ох, как скверно играет!

— Нет, — говорит Матти, — плохо ты играешь! Надо тебе лапы тоньше сделать.

— Сделай! — кричит медведь.

— Ну, будь по-твоему!

Подвел Матти медведя к толстой ели, надрубил ее топором, в щель клин вставил.

— Ну-ка, хозяин, сунь лапы в щель да держи, пока я не разрешу вынуть!

Сунул медведь лапы в щель, а Матти топором по клину как стукнет! Вылетел клин, медведю лапы-

то и прищемило. Заревел медведь, а Матти смеется:

— Терпи, терпи, пока лапы тоньше станут!

— Не хочу играть! — ревет медведь. — Ну тебя с кантеле твоим, отпусти меня!

— А будешь людей пугать? Будешь из лесу гнать?

— Не буду! — ревет медведь. — Только отпусти!

Загнал Матти клин в щель, вытащил медведь лапы и скорее в берлогу забрался.

— Смотри, — говорит Матти, — не забудь свое обещание! Не то приеду — напомню тебе!

Нарубил Матти полные сани сосновых дров и поехал из лесу. Едет, сам на кантеле играет да песни поет.

Вот он какой, Матти-весельчак!

С тех пор медведь на людей перестал нападать. Как услышит голос да стук топора, думает: «Уж не Матти ли приехал?». И лежит в своей берлоге тихо да смирно.